

МУЗЕИ СМЕРТИ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ТРЕНД

© 2022

Данилко Е.С.

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Российская Федерация)

Аннотация. В статье анализируются музеи смерти, которые в последние десятилетия появились во многих странах мира, в том числе и в России. Популярность музеев, выводящих смерть из приватной в публичную сферу, снимающих связанные с ней социальные табу, свидетельствует о происходящем на наших глазах сдвиге общественного сознания, который потребует от антропологов более пристального внимания. Обращение к их опыту, с одной стороны, интересно как очередная попытка ответить на вопрос: почему тема смерти выглядит одновременно и пугающе, и притягательно. С другой стороны, позволит проанализировать возможности музеефикации идеи смерти, учитывая ее социальную табуированность. При подготовке статьи использовались методы цифровой этнографии, источниками стали материалы из сети Интернет – официальные сайты учреждений, их страницы в социальных сетях, отзывы посетителей на различных платформах. Также частично привлекались материалы наблюдений и полевых исследований автора в российских музеях, прежде всего, в новосибирском Музее мировой погребальной культуры. Были рассмотрены этапы формирования международного музейного сообщества, связанного с презентацией темы смерти в публичном пространстве, музейные практики и стратегии развития, а также проблемы эксплуатации темы смерти в индустрии развлечений.

Ключевые слова: музей смерти; погребальная культура; культурное наследие; похоронные традиции; музейные практики; репрезентация культуры; социально-антропологическое исследование.

MUSEUMS OF DEATH AS A MODERN TREND

© 2022

Danilko E.S.

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Abstract. The paper analyzes Museums of death, which in recent decades have appeared in many countries of the world, including Russia. The popularity of museums that bring death out of the private and into the public sphere, removing the social taboos associated with it, testifies to a shift in public consciousness that is taking place before our eyes, which will require anthropologists to pay closer attention. Turning to their experience, on the one hand, is interesting as another attempt to answer the question – why does the topic of death look both frightening and attractive at the same time? On the other hand, it will allow us to analyze the possibilities of museification of the idea of death, taking into account its social taboo. In this paper methods of digital ethnography were used, the sources were materials from the Internet – official websites of institutions, their pages on social networks, reviews of visitors on various platforms. Materials of the author's observations and field studies in Russian museums, primarily in the Novosibirsk Museum of World Funeral Culture, were also partially involved. This paper also considers stages of international museum community formation associated with the presentation of the theme of death in public space, museum practices and development strategies, as well as the problems of exploiting the theme of death in the entertainment industry.

Keywords: museum of death; burial culture; cultural heritage; funeral traditions; museum practices; representation of culture; socio-anthropological research.

Введение

В современном мире, по наблюдению исследователей, культ смерти становится удивительным трендом, генерирующим огромное понятийное поле. Исследования смерти (*Death studies*) стали одним из новых и активно развивающихся направлений, издаются специальные научные журналы, выходят сотни трудов, среди которых уже ставшие классическими работы Ф. Арьеса [1], Т. Волтера [2], Р. Герца [3] и др. Появляются такие работы и в российской академической среде, достаточно вспомнить выдержавшую несколько изданий монографию С.В. Мохова [4], новую книгу А.Д. Соколовой [5], активно дискутировавшуюся работу Д.Р. Хапаевой [6]. Все это свидетельствует не только о своеобразной научной моде, но и о состоянии социальной среды, для которой смерть превращается в «продукт массового потреб-

ления». Тем более что публичность, согласно Филиппу Арьесу, наряду с ее интимной простотой – одна из необходимых характеристик смерти [1, с. 18].

В настоящей статье представлен один из аспектов этой неисчерпаемой темы – так называемые музеи смерти, которые в последние десятилетия появились в том или ином виде во многих странах мира, в том числе и в России. Обращение к их опыту, с одной стороны, интересно как очередная попытка ответить на вопрос: почему тема смерти выглядит одновременно и пугающе, и притягательно. С другой стороны, позволит проанализировать возможности музеефикации идеи смерти, учитывая ее социальную табуированность.

При подготовке статьи использовались методы цифровой этнографии, источниками стали материалы из сети Интернет: официальные сайты учрежде-

ний, их страницы в социальных сетях, отзывы посетителей на различных платформах. Также частично привлекались материалы наблюдений и полевых исследований автора в российских музеях, прежде всего, в новосибирском Музее мировой погребальной культуры, большая часть которых уже была опубликована ранее [7; 8].

*Музеи смерти
и глобальное похоронное наследие*

Весной 1970 г. в Монако по инициативе нескольких представителей похоронной индустрии была основана Международная федерация ассоциаций танатологов (FIAT-IFTA), целью которой провозглашались поддержка и развитие танатологических практик. В 1988 г. она была преобразована во Всемирную федерацию и превратилась в глобальную сетевую платформу для служб/компаний и поставщиков похоронных услуг, находящихся более чем в 80 странах. Федерацию возглавляет Совет, избираемый каждые два года на международной конвенции. В 2008 г. во время очередной встречи был поднят вопрос о необходимости «сохранения и защиты глобального похоронного наследия в интересах будущего человечества». В принятой в этой связи специальной Хартии такое наследие определялось довольно широко, как состоящее из объектов, зданий, сооружений и инструментов, связанных со смертью, а также обычаев, ритуалов и проявлений утраты и горя. В одном из пунктов Хартии говорилось о создании Ассоциации похоронных музеев и коллекций [9].

В настоящее время Ассоциация объединяет 28 организаций из 17 стран, большая их часть представляет собой музеи, есть среди них также фонды и отдельные коллекции. У Ассоциации имеется свой основной документ, названный Конституцией, в которой обозначены ее цели – содействие сохранению коллекций по истории и культуре похорон, предоставление информации и консультаций общественности, осуществление международного сотрудничества в этой области. Это некоммерческая организация, не преследующая политических задач, с головным офисом в Амстердаме, состоит из рядовых, ассоциированных и почетных членов, юридических организаций, каждая из которых имеет своего представителя. В Конституции подробно описаны процедуры вступления в Ассоциацию, избрания и утверждения ее членов, функции правления, порядок уплаты и расходования членских взносов [10]. В эту Ассоциацию входит и Музей мировой погребальной культуры (Музей смерти) в Новосибирске, торжественное открытие которого состоялось в 2012 г. Хотя на официальном сайте датой его образования обозначен 1992 год. Именно в это время состоялась первая международная выставка похоронного дела «Некрополь», организованная С.Б. Якушиным, одним из основателей современной похоронной индустрии в нашей стране. Первые приобретенные им предметы стали началом музейного фонда, который постепенно разрастался и сегодня насчитывает уже не одну тысячу экспонатов. В 2003 году в Новосибирске заработал крематорий и в нем уже имелся музейный уголок. В настоящее время основная экспозиция и временные выставки размещаются в трех зданиях и предлагают посетителям чрезвычайно разнообразный и информационно богатый контент.

Далеко не все музеи, так или иначе связанные с темой смерти, члены Ассоциации. Например, из немецких учреждений в ней зарегистрированы только музей сепулькральной (от лат. «sepulcrum») культуры в Касселе и кладбище Ольсдорф (Гамбург), тогда как кроме них в Германии имеются, как минимум, еще семь организаций такого рода: старинные кладбища, охраняемые как культурные памятники (Берлин, Ганновер, Кюндорф), музеи надгробий (Ульм) и кованых крестов (Эберсберг), коллекция графики «Человек и смерть» при Институте истории медицины Дюссельдорфского университета и, наконец, мастерская и музей «Пластинариум» доктора Гюнтера фон Хагенса в Губене. Не имеет членства в Ассоциации и популярный музей смерти в Лос-Анджелесе, больше известный как «голливудский музей похорон знаменитостей», и множество других. Поэтому описать и даже просто составить перечень всех «смертельных музеев» в мире вряд ли возможно, но их изобилие явно свидетельствует об их востребованности.

Образовались похоронные музеи относительно недавно, в период с начала 1990-х годов, – когда несколько из них появились почти одновременно в США и в Европе, – и до наших дней. К редким исключениям относится венский музей похоронных принадлежностей, который начал выставлять свои коллекции артефактов с 1967 г., хотя в здании бывшего морга на центральном городском кладбище с обновленной концепцией экспозиции перебрался лишь в 2014 г. Вообще подавляющее большинство этих музеев расположено непосредственно на кладбищах (Вена, Дублин, Барселона и др.) либо поблизости от них. Нередко статус культурно-исторического памятника получают сами погосты, превращаясь в музеи под открытым небом, как, например, Сан-Педро в Медельине (Колумбия). Несмотря на позднее институциональное оформление, именно в качестве музеев подавляющее их большинство имеют богатую предысторию, с которой они напрямую или косвенно соотносят истоки своей деятельности. Так, ирландский музей начинает рассказ о себе с 1832 г., когда некрополь Глазневин был основан легендарным государственным деятелем Дэниелом О'Коннеллом, а музей в Касселе, открывшийся в 1992 г., ведет его с похоронной реформы в немецких землях в начале XX в. На сайте швейцарского музея в Базеле, представившего свои экспозиции публике в 1994 г., говорится, что коллекции собирались еще с 1961 г. Также и на сайте новосибирского музея, торжественное открытие которого состоялось в 2012 г., датой основания указан 1992-й – год, когда был приобретен его первый экспонат.

Размещение на территориях старинных кладбищ или в зданиях, спроектированных известными архитекторами и издавна связанных с похоронной индустрией (бывший морг, семейное похоронное бюро, зал траурных церемоний и т.п.), повышает статус музеев как хранителей историко-культурного наследия. Об уподоблении кладбища музею, о существующей между этими институциями связи пишет, например, Ольга Митич: к тому, и к другому применим «бахтинский хронотоп – как место, которое соединяет время (личная и историческая память) и пространство (ландшафт смерти)» [11, с. 12].

Артефакты, с которых началось формирование фондов подобных музеев, также косвенно способствуют удревнению их истории и, конструируя уникальность места, используются в рекламных стратегиях. Барселонский музей гордится коллекцией своих катафалков, служивших городу около сотни лет: «Важное решение сохранить их и собрать в одном месте означало создание *первой и единственной (выделено автором. – Е.Д.)* коллекции похоронных экипажей, существовавших во всей Европе и выставленных публично» [12]. Главным брендом Музея мумий в мексиканском Гуанахуато являются, соответственно, «мумифицированные останки наших географических и культурных предков (различной древности с 1870 по 1984 год), *крупнейшая в мире (выделено автором. – Е.Д.)* коллекция природных мумий» [13]. Это примеры музеев, где вся концепция тематически выстраивается вокруг одной специфической коллекции, в других фонды могут быть разнообразными и обширными. Но и в этом разнообразии выделяются некоторые вещи, обладающие самостью, – исторической или художественной ценностью, нетривиальностью, выраженной смертностью, наконец, аутентичностью. Подлинность выступает важнейшим критерием их ценности. Об «уникальной коллекции хирургических имплантатов умерших, кремированных в крематории» рассказывает базельский музей [14]. Визитной карточкой Национального музея истории похорон в Хьюстоне, имеющего 15 постоянных экспозиций, являются экспонаты из Ватикана, раскрывающие секреты похорон пап и кардиналов [15], а в венском музее, где стремятся познакомить своих гостей именно с «венской смертью», у посетителей есть редкая возможность увидеть настоящие кадры архивной кинохроники с траурной процессией за гробом императора Франца Иосифа I или барона Ротшильда [16].

При этом, описывая собственные задачи, музеи – например, музей сепулькральной (от лат. «sepulcrum») культуры в Касселе – отмечают сильнейшие изменения, происходящие в современной похоронной индустрии и требующие пристального внимания, документации практических стратегий людей в обращении с памятью о прошлом и их взаимодействии с собственной смертностью [10], таким образом, музей как институт прошлого оказывается неизбежно связанным с настоящим. «Между традицией и современностью» обозначает свое место «интерактивный и мультимедийный» музей похорон в Вене, расположенный в историческом, но заключающем внутри новые и ультрасовременные экспозиции здании. Такое самоопределение и локализация собственного местоположения применимо ко всем описываемым объектам, их самопрезентации строятся как на «глубоких исторических корнях», ценности наследия и многовековых традиций, так и на обращении к современным реалиям и к современному человеку, с его практиками памятования и преодоления утраты. Смахнув музейную пыль с артефактов, музеи смерти стремятся обнаружить под ней не просто осколки прошлого, но и нечто другое, что-то, заполняющее образовавшийся культурно-временной зазор между ушедшим и существующим. Они культиви-

руют интерес к архаике, но не желают быть архаичными, они чтят музейные традиции, но стремятся вырваться из тисков традиционных представлений о музее. Так, здание японского музея черепов, не выделяющееся с улицы в ряду типичных трехэтажных домов небольшого города Амагасаки, при взгляде с другого ракурса неожиданно оказывается огромным каменным черепом. А внутри «он совсем не похож на традиционный музей с рядами стеклянных витрин, наполненных пыльными реликвиями. Это настоящий бунт цвета и фантазии, потому что все доступное пространство от пола до потолка являет собой витрину» [17].

Работа с нестандартными формами, использование технологических приспособлений, всевозможных гаджетов, комбинирование несочетаемых цветов и размещение в непривычных контекстах объектов разного формата – подлинников и муляжей, реконструкций и точных копий – все это характеризует похоронные музеи и все это используется ими для создания определенных эффектов для посетителей, манипулирования их ощущениями. Их призывают «использовать собственное тело и чувства, чтобы расширить восприятие разных материалов и поверхностей, услышать их звук, оценить их цвет и текстуру» [18], предоставляют им шанс самим почувствовать изумление могильщиков, нашедших нетленные тела в земле [13], или обнаружить «неоспоримую мистику, излучаемую катафалками» [19]. Воспользовавшись предложением музея и отправившись в ночную прогулку среди могил, прикасаясь к надгробиям, влезая внутрь исторических гробниц, слушая пение птиц и ощущая прикосновения ветра, они могут одновременно насладиться магией места и осознать его культурно-историческую ценность [18].

Посещение музея, таким образом, может интерпретироваться как форма путешествия во времени и культуре, когда человек оказывается лицом к лицу с местами и ситуациями, представляющими прошлое. Это позволяет ему получить моментальный и творческий опыт погружения в другое пространственно-временное поле. Результатами такого путешествия становятся наделяние знанием и чувство вовлеченности во что-то отличное от привычной реальности. Все это позволяет отнести похоронные музеи к категории так называемых «новых музеев», культурная стратегия которых строится не столько на создании, консервации и хранении информационных ресурсов, сколько на воздействии и взаимодействии с эмоциями посетителей, с их чувственным опытом, личными переживаниями и впечатлениями. Принятое в литературе название для обозначения таких музеев – «постмузей» (post-museum) свидетельствует об их связи с явлениями постмодерна [20, р. 21], когда привычная дидактическая функция музея «научить и объяснить» сменяется стремлением «дать почувствовать», а власть факта смещается под давлением эмоций. Так, в одном из материалов на официальном сайте новосибирского Музея говорится, что, «оказавшись в стенах Музея, люди испытывают самые разные эмоции: удивление, восторг, страх, сомнение, отвращение, гнев, радость, тревога, грусть, печаль, смущение, сожаление, трепет, блаженство, удовлетворенность, благодарность, почтение, пиетет, спо-

койствие, неуверенность, разочарование, восхищение... Одно, наверное, объединяет всех – здесь никто не остается равнодушным» [21].

Наделение знаниями через эмоции и чувство вовлеченности трансформировало фундаментальные способы передачи информации, используемые музеями как образовательными институтами. Стремление музеев смерти поддерживать общественный интерес вступает в резонанс с желанием посетителей вновь пережить оригинальный эмоциональный опыт и конструирует образовательные и просветительские модели, не имеющие коннотаций с привычными школьными методами. Похоронные музеи предлагают огромное количество образовательных проектов, позиционируя себя как открытое межкультурное социальное пространство, в котором нет места «довлеющим презентациям и речам сверху вниз» [22]. Они предназначены разным категориям потенциальных клиентов – от профессионалов до любителей саморазвития. Например, в ассортименте кассельского музея – тематические многодневные семинары для работников похоронной индустрии «Как управлять кладбищем», «Практика погребения и общение с близкими, ориентированное на клиента», «Повышение квалификации для людей из медицинских профессий» и краткие курсы для гидов и дизайнеров о проектировании кладбищенских пространств или экологическом подходе к растениям, а также различные консультации (вопросы похоронного права, оформление надгробий и др.). Связанный с музеем исследовательский институт курирует научные проекты и предоставляет возможности для написания диссертаций, здесь имеется обширная библиотека и издательство, выпускающее собственный журнал, книги и каталоги.

Другой пример. При амстердамском музее «Tot Zover» («До скорого») существует похоронная академия – «платформа, осуществляющая обмен знаниями между наукой и практикой для частных лиц». В ее насыщенной событиями программе – лекции университетских профессоров, охватывающие самые разные области знания (от медицины до философии), музыкальные и литературные вечера, выставки, мастер-классы, художественные мастерские и т.п. Особное внимание уделяется работе с детьми, экскурсиям и специальные лекции включают практические занятия, ориентированные на разные возрасты и помогающие детям принимать первые утраты и справляться с горем. Есть, например, занятия, связанные с потерей домашнего животного, а на сайте размещены советы родителям для подобных случаев: «Проверьте, чтобы дети поняли, что животное мертво и не спит. Расскажите детям, как это, когда оно больше не может двигаться. Спрашивайте ребенка его о чувствах, скажите, что он может задавать вопросы. Подумайте о том, что вы можете сделать, и будьте открыты для совершения обряда – написать ему или нарисовать, завернуть в кусок ткани или положить в коробку и похоронить, украсить его могилу, спеть для него. Пусть дети сами решат, что будет лучше» [23].

Все представленные музейные практики, традиционные и инновационные, образовательные и социальные проекты похоронных музеев, объединенных в международную Ассоциацию, отражают тенденции

современной похоронной индустрии, ориентированной на проектирование открытой общественной среды и возвращение или обретение смертью новой роли, в публичном пространстве [4, с. 374]. В таком контексте провозглашаемая музеями глобальная социальная миссия – сохранение и защита историко-культурного похоронного наследия – в итоге нацелена на формирование в обществе более глубокого понимания того, как смерть связана с жизнью. «Человек должен открыться смерти, если хочет открыться жизни. Культ жизни – это культ смерти. Цивилизация, которая отрицает смерть, в итоге отрицает жизнь». Этими словами Октавио Паса открывается главная страница официального сайта Музей мумий. Им вторит цитата из Альбера Камю «Не бывает света без тени. Тень необходима, чтобы узнать об этом» на сайте музея с говорящим названием «Tot Zover – До скорого». Сформулированная здесь миссия музея характеризует основные идеологические стратегии современных похоронных музеев: «Как мы поступаем со смертью, которая говорит нам, кто мы такие, откуда мы пришли и во что мы верим? Именно осознание смерти интенсифицирует жизнь и накопление знаний о традициях, окружающих смерть, укрепляет понимание других, причем для иного или нового использования, чем в других культурах. В таком понимании мертвые живы. И много людей, у которых есть вопросы, которые нужно задать, и мысли, которыми можно поделиться. Многие хотят поспорить об этом. Музей отлично подходит для этой цели. Это гораздо больше, чем физический музей. Это место встречи, где люди могут узнавать и размышлять о смерти, смертности и жизни» [24]. Своеобразный слоган новосибирского музея «Музей со многими смыслами и для разных возрастов» также органично вписывается в обозначенный тренд.

Музеи, таким образом, предстают ритуальными и художественными пространствами, отражающими социальные и воображаемые представления о жизни, смерти и памяти, трансформирующимися вместе с культурами, которые их производят, воспроизводящими образы тех, кто их создает и посещает. Это места для встреч и символической коммуникации между живыми и мертвыми. Включенность музеев в кладбищенские ландшафты расширяет географические и хронологические границы музея как локуса и среды, усложняя их смысловое наполнение. Это роднит их с «гетеротопиями» Мишеля Фуко (к которым он относит, в том числе, и кладбища), местами за пределами всех мест, которые, находясь в рамках культуры, сразу и представляются, и оспариваются, и переворачиваются [25, с. 196, 198].

Музеи смерти

как часть индустрии развлечений

Все музеи, о которых шла речь выше, как институции выполняют множество функций. Безусловно, одна из них – функция развлекательная, однако далеко не единственная. В связи с этим можно выделить еще одну категорию учреждений, позиционирующих себя как музеи смерти, но все-таки существенно от них отличающихся. Примерами послужат два музея, несколько лет существовавшие в Москве и Санкт-Петербурге.

«Весь персонал одет в одинаковые красные футболки, на которых с одной стороны написано "удивляйтесь", а с другой – "развлекайтесь"» – это фраза из журналистской статьи об открытии Музея Смерти в Москве зимой 2014 г. [26]. Фраза точно локализует местоположение его потенциальных посетителей и описывают эмоциональную палитру их возможных впечатлений – между удивлением и развлечением. Музей, о котором шла речь, являлся частью или звеном музейного проекта, инициированного и организованного известным бизнесменом и политиком, бывшим губернатором Архангельска Александром Донским. Первым в этом ряду, летом 2011 г. был музей эротического искусства «Точка G» на Новом Арбате, через год такой же образовался в Санкт-Петербурге. Следующим детищем Донского стал почти сразу же скандально закрывшийся «Музей власти», в котором выставлялись портреты государственных лиц в весьма нелестных для них образах (в женском нижнем белье, с наколками и т.д.) [27]. И наконец, в декабре 2013 г. появился Музей смерти в Санкт-Петербурге, расположенный на первой туристической линии, на Невском проспекте.

Музей занимал четыре небольшие комнаты в подвальном помещении. В первом зале посетителей встречали два скелета, облаченные в наряды жениха и невесты. С полки, освещенной красноватым светом, на них печально взирал ангел. Вдоль стен располагались витрины с разноцветными черепами из пластика, урнами для праха, муляжами посмертных масок и каких-то ритуальных предметов. Примерно такой же набор ожидал и в следующих погруженных в полумрак комнатках, которые соединялись коридором с развешанными по стенам картинами и фотографиями. В конце коридора стояли манекен в темной длинной одежде, олицетворяющий саму Смерть, а рядом – пустой гроб для желающих сделать особенное селфи. Эстетический эффект призвано было произвести на публику надгробие с фигурой лежащей обнаженной девушки. Последний зал, по замыслу организаторов, видимо, должен был отражать многообразие погребальных традиций в мире, но акцент получился в большей степени восточным. Здесь можно было увидеть скелеты в китайских костюмах и в наряде самурая, статуэтки будд, копии воинов знаменитой терракотовой армии. Не обошлось в музее без африканских масок и отмечаемых в отзывах гостей, как самые экзотичные и любопытные экспонаты, гробами курьезных форм из Ганы.

По такому же принципу был организован уже упоминавшийся и принадлежавший одному тому же владельцу музей на Новом Арбате в Москве. В заведение можно было попасть с общего входа с «Точкой G», миновав щедро украшенный презервативами гардероб и войдя в дверь рядом с большим кожаным черепом. Здесь также имелись четыре зала, в первом размещались надгробия, во втором – погребальные урны, а два последних были полностью отведены под необычные ганские гробы. Эта коллекция рекламировалась как самая большая в мире, сообщалось, что все экспонаты, включая гроб в виде матрешки с фигурой Ленина внутри, привезены с африканского континента.

Открытие и того, и другого музеев освещалось в различных интернет-ресурсах. В публикациях, призывавших посетить новое необычное место, присутствовала общая риторика: упреждая гостей от возможного скепсиса в отношении музея с пугающим названием, вызывающим неизбежные ассоциации со всевозможными «комнатами страха», они подчеркивали, что заведение «удачно совмещает статус развлекательного и образовательного» [28] и даже может быть отнесено к «классическим музеям, где представлены разные экспонаты, иллюстрирующие в основном похоронные ритуалы народов мира» [29]. Дополнительными бонусами являлись погружение в таинственную и мистическую атмосферу и, конечно, удачные снимки для социальных сетей: «А уж заглянуть в глаза (опять ой) многочисленным черепам или египетскому богу смерти Анубису и выложить в сеть фотографию банки с человечиной... в общем, там правда интересно. Советуем» [29]. Все это, по замыслу создателя новых просветительских учреждений, открытых для всех, призвано было избавить посетителей от мистического страха смерти [30].

В отличие от мировых похоронных музеев, описанных выше, российские музеи смерти были рассчитаны только на возрастную категорию 18+, никаких детских образовательных программ не предусматривалось, взрослых, впрочем, тоже. Гостям музея в Санкт-Петербурге образовываться и просвещаться предстояло главным образом самостоятельно. Всю необходимую информацию можно было почерпнуть из подписей к экспонатам и планшетов с описаниями. В Москве в какой-то период при музее проводились экскурсии. Из отзывов посетителей следует, что основное их содержание составляли сомнительные с точки зрения достоверности истории в жанре дешевой мистики. Например, о бытовавшей неизвестно где и когда традиции сопровождать на кладбище труп богатого горожанина в стеклянном катафалке с запертым в нем живым вороном, о совокупляющихся скелетах, якобы обнаруженных в таком виде на раскопках Помпеи и т.п. В целом культурный уровень музея оценивался в отзывах невысоко, отмечались отсутствие вкуса и пошлость в оформлении, обилие непроверенной информации, очевидная коммерческая направленность, наконец, неуважительное отношение к смерти.

Судя по этим отзывам, а также по кратковременности проекта, оба музея прекратили свое существование через несколько лет после открытия, выполнение провозглашенной социальной миссии не являлось для создателей музеев смерти первоочередной задачей. Говорить о сохранении культурно-исторического наследия изначально было излишне, учитывая содержание коллекций, состоящих в подавляющем большинстве из муляжей. На аутентичность претендовали только урны для праха и забавные гробы из Ганы, но и эту информацию уже невозможно проверить. В коммерческом плане деятельность «музеев», видимо, оказалась не слишком успешной или не настолько успешной в сравнении с другими заведениями семейного бизнеса. По крайней мере, использовать освободившееся помещение под сухой бассейн с шариками оказалось выгоднее. Можно пред-

положить, что часть музейного реквизита работает для создания атмосферы в других аттракционах, объединенных под одной крышей или находящихся поблизости – музей эротики «Точка G», Лабиринт страха, Зеркальный лабиринт, квест «Побег из тюрьмы», Дом вверх дном, Бей посуду. Это все развлекательные аттракционы из сети компании Big Creative (Big Fanny), принадлежащей семье Донских. Сеть включает уже более 70 заведений по стране и за рубежом [31].

Недолговечность смертельной темы в этой развлекательной сети не означает ее не востребованности в целом. Так, недавно Музей черепов и скелетов появился в Зеленоградске, небольшом курортном городке Калининградской области. Это новоизобретенная достопримечательность, наряду с «Домиком ангелов», и эксплуатирующим любовь публики к котикам «Мурариумом». «Мы открыты! Веселые и прикольные скелеты ждут Вас! Для всех гостей нашего Музея Бонус – Ленточный Лабиринт» – читаем на первой странице сайта [32]. И это не единственный пример такого рода, появление и исчезновение всевозможных смертельных аттракционов превращается в привычную часть индустрии развлечений.

Описанные Музеи Смерти в Москве и Санкт-Петербурге были одинаково далеки как от задач сохранения историко-культурного наследия совместно с ассоциацией похоронных музеев, так и от музейной деятельности в принципе. Но рекламные стратегии и презентации тематического материала, используемые и теми, и другими видами учреждений, обнаруживают определенное сходство. И те, и другие предоставляют публике тематический контент, оформленный как музейное пространство. И те, и другие говорят о решении неких культурно-просветительских задач, в рамках которых формулируют важную социальную миссию. Все это свидетельствует о легкости, с какой тема смерти может включаться как в программы ЮНЕСКО по спасению культурных памятников, так и в программу увеселительных шоу, а учреждения, называемые музеями, – служить пространством и для серьезного разговора о смерти и умирании, и для игрового аттракциона.

Заключение

Таким образом, музеи смерти можно отнести к категории так называемых новых музеев, ориентированных не столько на хранение и презентацию информации о прошлом, сколько на работу с эмоциями и ощущениями посетителей. Расположение музеев в непривычных для такого рода учреждений пространствах, эстетическое и концептуальное решение экспозиций предоставляют им множество моделей интерпретации увиденного и переживаний аффекта. Оптика участников культурного события смягчает восприятие ими темы смерти и умирания, помещает ее в зону социального принятия. Вместе с тем популярность музеев, выводящих смерть из приватной в публичную сферу, способствует включению как самой темы, так и связанных с ней музейных практик в индустрию развлечений, использованию в коммерческих целях. Все эти процессы свидетельствуют о происходящем на наших глазах сдвиге общественного сознания, который потребует от антропологов более пристального внимания.

Список литературы:

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / пер. с фр. В.К. Ронина. М.: Прогресс-Академия, 1992. 526 с.
2. Walter T. The revival of death. London: Routledge, 1994. 228 p.
3. Герц Р. Смерть и правая рука. М.: Ars Press, 2019. 268 с.
4. Мохов С.В. Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. 328 с.
5. Соколова А.Д. Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 456 с.
6. Хапаева Д.Р. Занимательная смерть. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 328 с.
7. Данилко Е.С. Ночь музеев в музее смерти: коммуникация на границе миров // Сибирские исторические исследования. 2019. № 4. С. 88–113.
8. Данилко Е.С. Музей смерти как институт памяти: музейфицированное прошлое и современные мемориальные практики // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 163–179.
9. Charter of global funeral heritage FIAT-IFTA [Internet] // FIAT-IFTA. <https://www.thanos.org/en/about/iafm/charters>.
10. Constitution of the International Association of Funeral Museums [Internet] // FIAT-IFTA. <https://www.thanos.org/en/about/iafm/constitution>.
11. Митич О. Музеи смерти. Парижские и московские кладбища. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 280 с.
12. Benvinguts a la col·lecció [Internet] // Cementiris de Barcelona. <https://www.cbsa.cat/cementiris/cementiri-montjuic/colleccio/la-col-leccio>.
13. Escribe un comentario [Internet] // Museo de las Momias de Guanajuato. <https://museodelasmomiasdeguana.juato.negocio.site>.
14. Geschichte [Internet] // Sammlung Hornli. <http://www.sammlunghoernli.ch/geschichte/index.html>.
15. Celebrating the lives and deaths of the popes [Internet] // National Museum of Funeral History. <https://www.nmfh.org/portfolio-item/celebrating-the-lives-and-deaths-of-the-popes>.
16. Bestattungsmuseum am Wiener Zentralfriedhof [Internet] // Bestattung Wien Museum. <http://www.bestattungsmuseum.at/eportal2/ep/channelView.do/pageTypeId/69635/channelId/-49301>.
17. Skull Museum Amagasaki [Internet] // Japan Experience. <https://www.japan-experience.com/all-about-japan/osaka/museums-galleries/skull-museum>.
18. Arte, Arquitectura y Estetica Funeraria [Internet] // Cementerio Museo San Pedro. <http://cementeriosanpedro.org.co/visitas-guiadas>.
19. Historical Hearses [Internet] // National Museum of Funeral History. <https://www.nmfh.org/portfolio-item/historical-hearses>.
20. Hooper-Greenhill E. Museums and the interpretation of visual culture. New York; London. Routledge, 2000. 216 p.
21. Эмоции Музея Смерти. Фотогалерея [Электронный ресурс] // Музей мировой погребальной культуры. <https://musei-smerti.ru/emoczii-muzeya-smerti-fotogalereya>.
22. Angebotsübersicht [Internet] // Museum für Sepulkralkultur. <https://www.sepulkralmuseum.de/museum/bildungsvermittlung/fuehrungen>.
23. Afscheid van een huisdier [Internet] // Uitvaartmuseum Totzover. <https://www.totzover.nl/educatie/afscheid-huisdier>.

24. Missie [Internet] // Uitvaartmuseum Totzover. <https://www.totzover.nl/over-het-museum/missie-en-visie>.
25. Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: избр. полит. ст., выступления и интервью. Ч. 3 / пер. с фр. С.Ч. Офергаса. М.: Праксис, 2006. С. 191–204.
26. Открытие музея смерти в Москве [Электронный ресурс] // The Village. <https://www.the-village.ru/village/weekend/gallery/138671-fotoreportazh-otkrytie-muzeya-smerti-v-moskve>.
27. Мясникова О. Шутка к саммиту не впрок [Электронный ресурс] // Фонтанка.Ру. <https://www.fontanka.ru/2013/08/27/123>.
28. Соловьева Ю. В Питере открылся музей смерти [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Группа быстрого реагирования». <https://genefis-gbr.ru/muzei-smerti-v-pitere>.
29. Музей смерти [Электронный ресурс] // <https://droogie.ru/spot/muzej-smerti>.
30. Андреева И. Музей смерти в Санкт-Петербурге – место, которое стоит посетить [Электронный ресурс] // <https://fb.ru/article/176233/muzej-smerti-v-sankt-peterburge---mesto-kotoroe-stoit-posetit>.
31. Евдокимов Н. «Меня раздражает, что многие инфобизнесмены приукрашивают реальность» [Электронный ресурс] // <https://vc.ru/flood/33895-menya-razdrzhaet-cto-mnogie-infobiznesmeny-priukrashivayut-realnost>.
32. Музей черепов и скелетов [Электронный ресурс] // <http://m-ch-s.ru>.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Данилко Елена Сергеевна , доктор исторических наук, заведующий центром визуальной антропологии; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Российская Федерация). E-mail: danja9@yandex.ru.	Danilko Elena Sergeevna , doctor of historical sciences, head of Visual Anthropology Center; N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: danja9@yandex.ru.

Для цитирования:

Данилко Е.С. Музеи смерти как современный тренд // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 2. С. 262–268. DOI: 10.55355/snv2022112218.